

На правах рукописи

ПРИБРАЖЕНСКИЙ Андрей Владимирович

РУССКАЯ ТОПОНИМИЯ КАРЕЛЬСКОГО ПОМОРЬЯ И
ОБОНЕЖЬЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Петрозаводск

2003

Работа выполнена на кафедре русского языка Карельского государственного педагогического университета.

Научный руководитель: кандидат филологических наук,
доцент Л.П. Михайлова

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
А.В. Суперанская;
кандидат филологических наук,
доцент Е.И. Новикова

Ведущая организация: Вологодский государственный
педагогический университет

Защита диссертации состоится « 7 » октября 2003 г. в « 12.15 » часов на заседании диссертационного совета К 212.190.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук при Петрозаводском государственном университете по адресу: 185610, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. *а.у. 317*

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Петрозаводского государственного университета.

Автореферат разослан « » 2003 г.

153574K

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Г.Б. Гурин

БИБЛИОТЕКА
Карельского научного
центра РАН

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Русская топонимия Карельского Поморья и Обонежья¹ и ее становление не были предметом тщательного лингвистического изучения. Тем не менее, процессы ее формирования с начала фиксации топонимии в письменных памятниках до настоящего времени представляют значительный интерес, так как на данной территории издавна контактировали представители разных народов, каждый из которых внёс свой вклад в систему географических наименований. Древними обитателями Карелии были, саамы-кочевники, карелы и велсы. Новгородская колонизация XII-XIV вв. и последующие потоки русских привели к изменению национального состава населения региона. Дославянские топонимы были усвоены и адаптированы русским населением. Все это создало сложную языковую и топонимическую картину, результаты которой наблюдаются в настоящее время.

Под термином «русская топонимия» в данном исследовании имеются в виду топонимы разного происхождения, которые, во-первых, употребляются русскоязычным населением, во-вторых, обозначают объекты на территории русского заселения. Подобное широкое понимание русской топонимии находим в работах А.П. Дульзона, А.К. Матвеева, И.А. Воробьевой, Г.В. Глинских и др.

Русская топонимия Карелии рассматривалась со стороны структуры географического названия в синхроническом и диахроническом аспектах А.И. Поповым, М.В. Витовым, Е.Ф. Тепловым, Т.Г. Доля и др. В последние десятилетия активизировался сбор и систематизация русской микротопонимии Карелии.

В значительной степени изучена прибалтийско-финская и саамская топонимия Карелии. Заметный вклад в ее исследование внесли А.И. Попов, Г.М. Керт, Н.Н. Мамонтова, И.И. Муллонен, финские ученые Я. Калима, В. Ниссиля и др. Естественным является их внимание и к русским элементам в составе топонимии Карелии, отражающим этноязыковые контакты.

В реферируемой работе проводится описание лингвистических процессов, в результате которых сложилась современная русская топонимия Карельского Поморья и Обонежья, выявляется ее специфика; определяется апеллятивная база топонимии данной территории, включающая как общеизвестные, так и диалектные лексемы, связь локально ограниченных элементов с материнскими говорами. Последовательно наблюдается становление современных топонимических типов с XII до XX вв. Отмечается значительное

¹ Под Карельским Поморьем понимается западное и юго-западное побережье Белого моря, под Обоньем — территория вокруг Онежского озера, включающая Пудожье, Заснежье, часть Прионежья. Здесь издавна преобладает русское население.

новгородское влияние на структуру и лексические компоненты географических наименований региона.

Цель и задачи исследования. Основная цель данной работы – описание процессов становления русской топонимии Карельского Поморья и Обонежья в исторический период – обусловила постановку следующих конкретных задач:

- сбор и систематизация географических названий изучаемой территории по письменным источникам и полевым записям;
- определение показателей системности русской топонимии Карельского Поморья и Обонежья;
- изучение эволюции структурно-семантических типов русской топонимии региона;
- выявление состава топооснов, тополексем и топоформантов географических наименований данной территории, определение их ареального распространения;
- описание апеллятивной базы анализируемой топонимии;
- выяснение специфики изучаемой системы наименований (при сопоставлении с топонимией других территорий);
- рассмотрение вопросов взаимодействия русской и прибалтийско-финской топонимии Карелии.

Методы исследования. Основными методами исследования в работе являются описательный и сравнительно-сопоставительный с привлечением элементов статистического и словообразовательного анализа. Применяется также ареальный метод с помощью которого устанавливаются зоны бытования тополексем, топооснов, топоформантов и апеллятивов географических наименований Карельского Поморья и Обонежья.

Материал исследования. Материал исследования представлен картотекой в объёме свыше 10 тысяч географических наименований Карельского Поморья и Обонежья². В работе использованы данные полевых сборов автора, осуществлённых в 1997-2001 гг. в Беломорском, Пудожском, Медвежьегорском районах Карелии, материалы картотек Карельского научного центра РАН, Карельского педагогического университета. Петрозаводского университета, Междисциплинарного словарного кабинета Санкт-Петербургского университета, Словаря русских народных говоров, Псковского областного словаря, Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей. Источниками работы послужили писцовые книги Обонежской пятны (1496; 1563; 1582-1583), дозорные книги Шуерецкой волости и Лопских погостов (1598; 1597), грамоты ХII-XVII вв., таблицы

² В тексте реферата приводятся примеры топонимов, известные в населённых пунктах: Колежда (Км), Лапино (Лп), Нюкча (Нп), Сумской Посад (Сп) - Беломорский район; Вырозеро (Выр), Карасозеро (Кр), Кузаранда (Куз), Титивады (Тп), Фоймогуба (Ф) - Медвежьегорский район; Ладва (Лд) - Прионежский район; Гольявалы (Гд), Куганаволок (К), Калакунда (Кд), Кевасалма (Кс), Колгостров (Кв), Каршевская (Кш), Песчаное (Пч) - Пудожский р-н.

сопоставления поселений М.В. Витова и И.В. Власовой по данным источников XIV-XVIII вв.; списки населённых мест (СНМ 1926; 1933), справочники административно-территориального деления (АТД КАССР 1958; 1960; 1966; 1973; 1975; 1982; 1996), мелкомасштабные карты, а также чертежи, планы землепользования колхозов, ведомости пахотных угодий и иные материалы, хранящиеся в Национальном архиве Республики Карелия (НА РК).

Научная новизна работы. В научный оборот вводятся новые материалы письменных источников XV-XX вв., полевых экспедиций и архивные данные. Впервые рассматривается проблема системной организации русской топонимии Карельского Поморья и Обонежья. Прослеживаются процессы изменения топонимии, устанавливаются периоды ее развития. Определяется ареальное распространение топооснов, тополексем, топоформантов, характерных для описываемой системы. По данным исследуемой топонимии реконструируются регионализмы, не отмеченные словарями, что даёт основания уточнить словарный состав севернорусских говоров в среднерусский период.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Русская топонимия Карельского Поморья и Обонежья представляет собой стройную систему, имеющую типичные модели названий, определенный набор тополексем, топоформантов и топооснов, структурно-семантическую организацию.
2. На структуру топонимии данной территории повлиял длительный период славяно-прибалтийско-финского билингвизма и контактирования русского и прибалтийско-финского населения.
3. Русская топонимия и говоры Карельского Поморья и Обонежья имеют территориальные связи с новгородско-псковскими и ростово-суздальскими говорами.

Теоретическая и практическая значимость. В работе на материале данного региона конкретизируется соотношение понятий «топонимическая система», «топонимическая микросистема», «топонимический регион», «топонимический ареал».

Иллюстративный материал работы может быть использован в качестве одного из источников для составления региональных топонимических словарей и нормативного «Словаря географических названий Карелии». Теоретические положения и материалы диссертации могут применяться при разработке спецкурсов и спецсеминаров по ономастике. Работа представляет интерес для специалистов по краеведению, лексикологии, ономастике, антропонимике, теоретической и прикладной топонимике, по историческим и географическим наукам.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на кафедре русского языка Карельского государственного педагогического университета. Основные положения

исследования изложены автором в докладах на 10 конференциях, в том числе на XVI, XVII, XVIII и XIX Всероссийских диалектологических совещаниях «Лексический атлас русских народных говоров» (Санкт-Петербург, 2000, 2001, 2002, 2003), Всероссийской научной конференции «Русская историческая филология: Проблемы и перспективы. Памяти проф. Н.А. Мещерского» (Петрозаводск, 2000), научной конференции «Русское поселение как социокультурный феномен» (Вологда, 2001), Международной научной конференции «Историческая топонимика Великого Новгорода и Новгородской земли» (Великий Новгород, 2001), Международной научной конференции «Язык и культура» (Москва, 2001) и др. Содержание диссертации отражено в девяти публикациях автора.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из 225 страниц машинописного текста, содержащего введение, три главы, заключение, список словарей, список источников и библиографический список.

В качестве приложений к диссертации во втором томе даются:

I. Список географических наименований Карельского Поморья и Обонежья, использованных в работе; II. Список географических наименований Карельского Поморья и Обонежья по материалам Национального архива РК; III. Список топонимов Водлозерья; IV. Список топонимов Заонежья; V. Список топонимов Карельского Поморья; VI. Список топонимов Прионежья; VII. Указатели к приложениям: а) указатель апеллятивной лексики, используемой в топонимии, б) указатель лексем, используемых только в топонимии, в) указатель прилагательных, употребляющихся в составе топонимов, г) указатель оттопонимических прилагательных.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность темы, формулируется цель и задачи исследования, анализируется состояние изученности топонимии Карелии, излагается история заселения Карельского Поморья и Обонежья.

В первой главе «Русская топонимия Карельского Поморья и Обонежья как система» рассмотрены проблемы специфики имени собственного в системе языка, системной организации топонимии, проводится анализ топонимической системы данной территории.

В отечественной и зарубежной лингвистике подчеркивается особое положение собственных имен в языковой системе (А.В. Суперанская; Н.В. Подольская; Н.И. Толстой; В.Н. Топоров; Е. Курилович и др.). Многие имена собственные созданы на базе нарицательных и вторичны по отношению к ним. Некоторые из них непосредственно не

связаны с понятием и закреплены, как правило, только за одним объектом. Эти слова имеют свою специфику в словоизменении и словообразовании.

Географические наименования, являющиеся частью ономастической лексики, «находясь на периферии словарного запаса, составляют особую подсистему, или точнее, подсистемы в лексической системе языка»³. Системность топонимии признается всеми исследователями. Несмотря на отдельные незначительные расхождения, понятие топонимической системы можно считать достаточно сложившимся в отечественной ономастической науке. Топонимическая система – «это определенным образом организованная совокупность топонимов данного этноса для данного времени на данной территории»⁴.

Показателями системного характера топонимии являются своеобразная семантика, определенный набор словообразовательных и лексических средств, участвующих в образовании географических названий, а также их структурные типы. Все это в совокупности реализуется в парадигматических отношениях.

Топонимическая система может охватывать различную территорию, но при этом она должна быть исторически, географически и лингвистически однородной, чаще одноязычной. Единая топонимическая система может объединять зоны распространения близкородственных языков, например, русского, украинского и белорусского (Карпенко 1964), нескольких областей (Воробьева 1973) или одной области (Бондалетов 1983). Самая минимальная единица – топонимическая микросистема – это система микротопонимов одного поселения.

Топонимическая система Карельского Поморья и Обонежья выделяется на основе нескольких принципов: лингвистического, исторического и географического. Данная топонимическая система, в которой сочетаются прибалтийско-финские и русские по происхождению элементы, охватывает восточную территорию Карелии. Расселение носителей русского языка на этой территории привело к возникновению русской топонимической системы.

С конца XV века большая часть территории Карельского Поморья и Обонежья входила в состав Обонежской пятины Новгородской земли и охватывала Выгозерский, Толвуйский, Шуньгский, Кижский, Челмужский, Водлозерский, Шальский, Пудожский, Остринский погосты. Кроме того, часть территории Карельского Поморья – Кемская и Пуренская волости входила в состав Кольского уезда.

В настоящее время русская топонимическая система Карельского Поморья и Обонежья включает Лоухский, Кемский, Беломорский, Сегежский, Медвежьегорский,

³ Воробьева И.А. Системные связи топонимов средней части бассейна реки Оби // Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1976. Вып. 2. С. 3.

⁴ Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978. С. 146.

Кондопожский, Прионежский (частично) и Пудожский районы. Ее границы проходят на западе по линии контакта русского населения с карелами, на юго-западе – с вепсами. На востоке и юго-востоке она граничит с территориями Архангельской и Вологодской областей.

Эта топонимическая система отличается от русских региональных топонимических систем Центральной России, так как она содержит в своем составе значительное количество географических наименований прибалтийско-финского происхождения. В центральной части России иноязычная топонимия подверглась значительно более ранней адаптации, чем на территории Карелии, где до сих пор продолжают жить контакты русского и прибалтийско-финского населения. В Центральной России и Карелии преобладают наименования русского происхождения с элементами, характерными для всех русских топонимических систем.

В русской топонимии Карельского Поморья и Обонежья выделяются те же типы словообразования, что и на исконно русских территориях: простая оксимизация, трансонимизация, аффиксация, составной беспредложный, сложный, эллиптический, локативный⁵ и гентивный⁶ типы. Однако если в топонимии Центральной России преобладают аффиксальные названия (до 90%), то в топонимии Карельского Поморья и Обонежья высока доля сложных топонимов (25 % названий).

Структурные типы в топонимии различных регионов⁷

Регионы	Поляна	Болгария	Башлак	Югославия	Владимирская обл.	Тулская обл.	Карельское Поморье и Обонежье
Аффиксация	73%	76%	54%	85%	84%	10%	
Словосложение	3%	1%	1%	1%	1%	25%	
Составной	20%	13%	40%	10%	12%	35%	

Совокупность географических наименований Карельского Поморья и Обонежья характеризуется относительно четкой системной организацией «для выполнения номинативно-дифференцирующей функции» (Воробьева 1987). В территориальной топонимической системе проявляется взаимная связь названий, вступающих в иерархические, парадигматические и синтагматические отношения. В иерархических

⁵ Локативный тип называем предложно-именные конструкции: пож. В Книгастубе Н., ур. У Большого Камня К., ур. У плотины Выр., ур. У Кондесера Ф.

⁶ К гентивным относим названия, «представляющие собой в номинативе гентивную форму другого имени (обычно собственного), от которого оно образовано» (Педольская 1978).

⁷ В таблице приводятся данные из работ В.А. Никонова (1962), М.Н. Морозовой (1966), Н.А. Кузнецовой (1976).

отношениях находятся собственно топонимы (высший ярус) и микропонимы (нижний ярус).

Парадигматические связи слов базируются на том, что в значениях различных слов присутствуют одни и те же компоненты, которые устанавливаются с помощью метода компонентного анализа (см. работы З.Д. Поповой, И.А. Стернина, В.Г. Гака, А.М. Кузнецова, Д.Н. Шмелева, Л.М. Васильева и др.). Сема – элементарный компонент значения слова. Семная структура любого слова иерархична, а сами семы неравноправны. В ней выделяются самые общие семы – категориально-грамматические (КГ), которые конкретизируются лексико-грамматическими семами (ЛГ). Последние уточняются с помощью частно-грамматических сем (ЧГ). Менее общими являются семы собственно лексические, подразделяемые на главные, категориально-лексические (КЛ) и зависимые, дифференциальные (Д). В значениях некоторых слов могут содержаться «интегральные семантические признаки», уникальные, «несопоставимые остатки», а также признаки, имеющие характер «потенциальных сем» (Кузнецова 1989: 33-34).

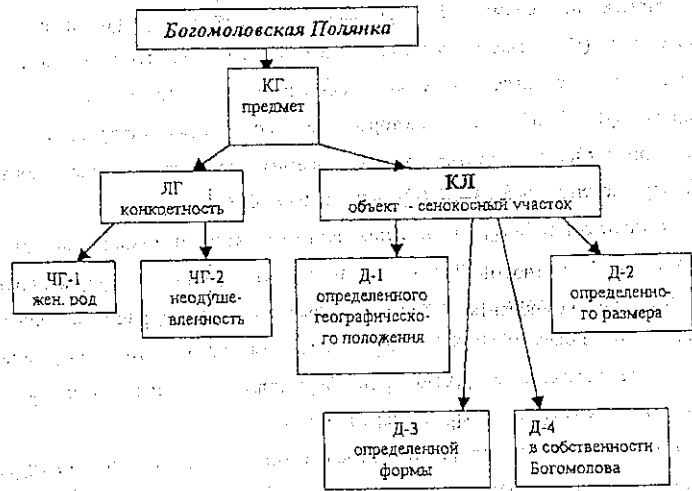
Метод компонентного анализа значений географических наименований применен некоторыми учеными. В частности, Д.Н. Голев определяет семную структуру конкретного топонима, выделяя такие компоненты, как объект, определенное географическое положение, размер, форма и т.п. (Голев 1974: 91). К.М. Ирисханова считает, что любой топоним включает три типа сем: архисему единичности, дифференцирующие семы неодушевленности и локальности, потенциальные семы (Ирисханова 1978: 7).

На отдельные семы можно разложить значение любого географического названия – ойконима, гидронима и микропонима, известного узкому кругу людей. Причем понятнейность последнего позволяет с большей точностью и конкретностью выявить компоненты его значения.

Семную структуру названия Богомоловская Полянка – сенокосный участок (с. Ладва, Прионежский район) представим в виде схемы (с. 10). Сравнение структуры значения данного микропонима со значением апеллатива *полянка* 'пашня (вдали от селения, за полями)' сев. [СРНГ, XXIX: 190] показывает, что общими являются все грамматические семы, а собственно топонимическими – лексические, причем как категориальные, так и дифференциальные.

По общим словообразовательным и лексическим элементам наименования объединяются в парадигматические ряды. Среди парадигматических отношений выделяются групповые, бинарные, многочленные оппозиции. Классы или группы названий противопоставлены друг другу, и это составляет сущность групповых оппозиций. Большую роль в собственно топонимии играют бинарные оппозиции: д. Большая Нива – д. Малая

Нива Куз.; о. Нижнее Охтозеро – о. Верхнее Охтозеро К. О возникновении наименований в одном парадигматическом ряду свидетельствуют и их словообразовательные связи. Географические названия как бы подстраиваются под продуктивную топонимическую модель, ср. в Пудожском районе *антропоним* + *-ово*: Д. Бочилово – Семеново – Авдеево – Алексеево – Бураково – Каршево – Колово – Кошукново – Ножево; *антропоним* + *-ская*: Rogozinskaya – Terebovskaya – ~~Октябрьская~~ – Дубовская – Штешевская – Щаниковская – Кубовская – Афанасьевская – Филимоновская – Харловская.

Исследуемая территориальная топонимическая система представляет собой совокупность топонимических микросистем, каждая из которых включает географические названия микрообъектов, известных в одном населенном пункте. Микропонимия характеризуется четкой системной организацией, для которой характерно преобладание многочисленных парадигматических оппозиций: Кубасовское поле – Кубасовская Поляна – Кубасовская пожня Кв., Антонова Нива – Белкина Нива – Ерохова Нива – Сафронова Нива Кс. – Пудожский район; Кирьяновская мельница – Кирьяновские Наволочки – Кирьяновский Обод – Кирьяновская Сарасельса Лд. – Прионежье; Рахманинские горбы – Рахманинские Тереба Ст., Голубинские Тереба – Голубинский Мох – Голубинский порог – Голубинский ручей Км. – Карельское Поморье.

Своеобразие русских топонимических микросистем Карельского Поморья и Обонежья проявляется в наличии наименований, созданных на базе или иноязычных

топонимов (р. Сомбома > Антоновская Сомбома – Белкинская Сомбома – Сафроновская Сомбома – сенокосы Кс., пр. и д. Кевасалма > Кевасалмская Лахта – Кевасалмская мельница – Кевасалмское поле Кс. – Пудожский р-н, р. Пайрекса > Пайрецкая дорога – Пайрецкая Полянка – Пайрецкие пожни – Пайрецкое болото – Пайрецкое Устье Лд. – Прионежье, с. Колежма > Колежомский волок – Колежомское кладбище Км. – Карельское Поморье), или нарицательной лексики прибалтийско-финского происхождения (бол. Соловьевых Корба; о. Окулинская Луда К. – Пудожский р-н; бол. Волчья Рада; зал. Белая Ламбина Л., оз. Ламбушка Светлая Км. – Карельское Поморье). Отдельные микропонимы находятся в отношениях производности друг к другу: Анухина Нива – Поданухина Нива Гц. – Пудожский р-н, Залуг (пок.) – Залуговский Мох (бол.) – Залуговский Пудас (зал.) – У Залуга (развилка реки) Км. – Карельское Поморье.

Синтагматические отношения – «это отношение одного топонима к другим топонимам на этой же территории»⁸. Чем дальше объекты друг от друга, тем меньше возможностей вступать в синтагматические отношения их названиям. Каждый ярус имеет свои синтагматические отношения. Так, микропонимы возникают и употребляются в узком синтагматическом контексте. Они известны лишь в рамках одного населенного пункта. Собственно топонимы имеют более широкие синтагматические отношения. Ойконимы не должны повторяться в пределах сельсовета или даже района, названия городов – на территории области или страны (Карпенко 1964; Воробьева 1987). Топонимическая система может восприниматься как определенный текст.

Вторая глава «История становления русской топонимии Карельского Поморья и Обонежья» посвящена эволюции структурно-семантических типов географических наименований и современному состоянию исследуемой топонимии. В ней используются материалы письменных источников.

Исторические факты и топонимические данные позволяют выявить несколько этапов в развитии русской топонимии Карельского Поморья и Обонежья.

Начальный этап формирования русской топонимии данной территории, по нашему мнению, приходится на XII–XIV вв. С этого времени отмечаются в памятниках письменности адаптированные русским языком прибалтийско-финские наименования и наименования собственно русского происхождения: Олонец, Свирь, Водла, Шуя, Великий Остров и др.

Второй этап в становлении русской топонимической системы (XV–XVII вв.) связан с существованием в ойконимии и микропонимии многокомпонентных описательных конструкций, так называемых «топонимических эквивалентов» (по терминологии Л.В. Горожанской). Л.Г. Тригуб, замечая, что эти конструкции встречаются на всей территории

⁸ Воробьева И.А. Ономастика в школе. Барнаул, 1987. С. 58.

великорусской народности XIV-XVII вв., выявляет их наибольшую частотность на северо-западе, в частности, в Новгородских землях⁹. Такие описательные обозначения часто включали в свой состав названия природного объекта, как правило, прибалтийско-финского происхождения, а также антропонимическую часть: д. на Падмоозере Онцыфоровская, д. Минино на Пулозере, д. в Кондапоге Глухова (1582-83). По материалам письменных источников эти ойконимы представляли собой локативные, генитивные¹⁰ локативно-номинативные и иные смешанные конструкции: д. в Пайницах на берегу (1496); д. в губе словет Знаменьева; д. в Кайбасове наволоке Федковской след Омосова (1563); д. за рекою Харинская (1582-83).

Важную роль в формировании русской топонимии XV-XVII вв. сыграли географические и хозяйственно-экономические термины (*починок, след, посиденье, усадище* и др.).

Писцовые книги свидетельствуют о значительной динамике изменений наименований населенных пунктов в это время. В конце XV в. преобладают названия, содержащие в своем составе локативный компонент, указывающий на местоположение объекта: д. на Пуд-берегу; д. на Кефтене губе (1496). В XVI в. наблюдается увеличение числа наименований, содержащих possessивное антропонимическое или любое другое определение. При этом новое номинативное или генитивное название отделено словом «словет»: д. на Пуд-берегу словет Соловаровская; д. на Кифтине ж губе словет Марковщина - Никольский Шуньгский погост; д. на Кузаранде словет Мишалёвская; д. на Кузаранде словет Васковская; д. на Толвие словет Тароева; д. на Вир-озери словет Федосова; д. на Вир-озери словет Стойковская - Егорьевский Толвуйский погост (1563). В конце XVI века активизируются наименования генитивного, локативно-генитивного и генитивно-номинативного типов. Новое номинативное наименование, отделенное словом «словет», в совокупности со старым локативным часто преобразуется в единое локативно-номинативное или локативно-генитивное наименование, ср. данные 1563 и 1582-83 гг.: д. на Сенной губе словет Клементиевская: Якуш Клементиев, Якимко Иванов > д. на Сенной губе Клементиева; д. в Кондапоге словет у погоста на середке у ручья Лутьяновская: Иванко Констягнцов да брат его Микитка, Макарко Лутьянов > д. в Кондапоге у погоста на Средке Лутьянова. Часто локативно-номинативное наименование превращается в локативно-генитивное: д. на Сенной губе словет в Гарничих Мартыновская > д. на Сенной

⁹ Тригуб Л.Г. Многоосновные топонимы с предлогами в языке великорусской народности XIV-XVII вв. // Дальнерусская ономастика: спадщина в сродно-славянских мовах. Київ, 1986. С. 94-95.

¹⁰ Вероятно, в ряде случаев топонимы этого типа можно рассматривать и как формы именительного падежа прилагательного прилагательного на -ов, -ев, -ин по согласованию со словом *деревня*: д. *Тароева*, д. *Федосова*, д. *Лутьянова*. Отнесение последних к генитивным конструкциям может быть обусловлено существованием двусловных образований данного типа: д. *Харки Степанова*, д. *Тихонка Володина*.

губе словет в Гарничих Мартынова; д. на Великой Губе Себуево > д. на Великой губе Сибоева; локативное - в локативно-генитивное: д. на усть Суны реки: Тихонко Володина; > д. на усть Суны реке Тихонка Володина у озера у Онега; д. на Сувесари: Харлец Степанов > д. на Сувисоре Харки Степанова; локативное - в локативно-номинативное: д. в Негоруксе словет в Большом Дворе > д. в Негоруксе, Большой Двор; локативное - в номинативное: д. в Великой Губе словет на Микулиной горе > д. в Великой губе словет Микулинская Гора; локативно-номинативное - в номинативное: д. Березовец на Мандере > д. Березовец. Иногда наименование локативного типа преобразуется в более сложную структуру: д. в Танбичах: Якушка Семенов, Нефетка Офонасов да Олексейко Олексеев > д. в Танбичах Большой Двор, Якушка Семенова на реке на Танбиче¹¹.

Причины изменений наименований населенных пунктов - смена одного владельца или поселенца другим, превращение деревни в пустошь в результате военных действий, переселения жителей - являются экстралингвистическими. В отдельных случаях причиной изменения может быть даже стихийное бедствие. Так, в писцовой книге Обонезской пятницы 1563 г. отмечено, что «деревню (на Каг-озёрке) вода розмыла, и та деревня перенесена в Маткажу за озеро» - Спасский Шальский погост. Появились лексические варианты названия населенного места: д. на Котмо-озерке словет Демидовская > д. на Косм ж озере Демидова, и Корташово тож; Левка Иванов Корташов; д. Новинка, Пустошь тож; д. в Негижме Максимики Луккина, и Фомина тож. (1582-83).

В XVII в. зафиксировано значительное увеличение количества лексических вариантов наименований: деревень. При этом почти все вторые названия являются антропонимическими: д. в губе на Лебежьн Матке (1582-83) > д. в губе на Лебязье Матке, а Котово тож (1628-29); д. на Падме речке Долгунина (1582-83) > д. на Падме реке Долгунина, а Воронцовская тож (1628-29); д. Есинская (1582-83) > д. Есинская, а Толстикорская тож на Падмо озере (1628-29); д. Малафеевская на Кузаранде (1582-83) > д. Малафеевская на Кузаранде, а Шилова тож (1628-29) - Толвуйский погост.

На XVIII в. приходится этап становления современных структурных типов. В это время началось самое существенное изменение наименований поселений, когда «индивидуальное владение землей (деревней) сменяется общинным», а «названия деревень по имени лица /.../ уже становятся анахронизмом и заменяются названием, определяющим данную деревню по приметам более существенным: по местоположению, по ландшафтным признакам и т.п.»¹². Происходит укрупнение населенных пунктов, увеличение числа их

¹¹ Подобные многочленные образования фиксировались писцами и, вероятно, в полном объеме не функционировали в живой речи местного населения.

¹² Сильман Г.Я. Географические названия (По материалам письменных памятников и современной топонимии Пинежья). Л., 1980. С. 48.

дворности. Многокомпонентные ойконимические конструкции сменяются простыми, сложными и составными двусловными наименованиями. В большинстве случаев отсекается локативный компонент, представляющий собой наименование урочища – месторасположения деревни. При этом названию поселения становится отантропонимическое прилагательное: д. на Волк-острове Ивашковская Хромцова (1563) > д. на Волокострове Ивашковская Хромцова (1582-83) > д. на Волкострове Ивановская Хромцова (1628-29) > д. на Волку острову Ивановская Хромцова (1647) > д. Хромцовская (1788); д. на Волко-острове Ивановская Безносова (1563) > д. на Волокострове Ивановская Безносова (1582-83) > д. на Волк острове Ивановская Бессонова (1628-29) > д. на Волк острову Ивановская Безносова (1647) > д. Иванцовская (1788) – Кижский погост. Возможно, сам факт межевания, которое проводилось в конце XVIII века (1788 г.), способствовал стандартизации структурных моделей ойконимических образований.

Наименование урочища часто становится объединяющим названием группы деревень, находящейся на его территории. При этом каждая из деревень имеет свое отантропонимическое название, ср. данные 1582-1583 гг. и XIX-XX вв. по с. Толвуя (Заонежье): д. в Толвуе ж *Таруева* > часть с. Толвуя д. *Тарутинская*, д. *Ондроновская* > часть с. Толвуя д. *Андриановская*; д. у погоста в Наволоке *Хабаровская* Лембневых > часть с. Толвуя д. *Хабаровская*; д. на Толвуе *Савинская* у Слободы > часть Слободы д. *Савинская*; д. на Толвуе же в Наволоке *Трофимовская* *Шустикова* у Слободы > часть Слободы д. *Шустиковская*;

Нередко из многокомпонентной конструкции вытесняется имя владельца, а название природного объекта становится наименованием населённого пункта, то есть происходит трантопонимизация, ср.: поч. на Борку на Падмо ж озере: Ондрейко Пашков (1563) > пустошь, что был починок Ондреевской Пашкова на Падмозере (1582-83) > д. Бор (1788) – Толвуйский погост; д. на Волмож-салме: Тимошка Иванов (1563) > д. на Вожмо ж салме Тимошки Иванова (1582-83) > д. на Вожмосалме, что была Тимошкин Иванова (1647) > д. Вожмосалма (1788) – Выгозерский погост; д. на Кажме: Терех да брат его Флорко (1496) > д. на Кижме: Гридка Фролов (1563) > д. на Кажме Гридкин Фролова (1582-83) > д. на Кажме Гридки Фролова (1647) > д. Кажма (1788) – Шуньгский погост.

Следующий этап относительно стабильного статуса системы (XIX-XX вв.) сменялся этапом социально обусловленных изменений (1917 – до настоящего времени). Лишь отдельные населенные пункты в 20-30-х гг. были переименованы и укрупнены административными методами. Так, в это время деревни Андреевский след, Демидова деревни Андреевского следа, Зарубежский след, Никонова гора были объединены в пос. Сума, деревни Келаревская, Ручьевская и Тарасогорская – в д. Октябрьская (СНМ

1926; 1933). вновь возникшие поселения получили специфические наименования идеологического и производственного характера: н.п. Путь к свету (артель); н.п. Красная новь; н.п. Совхоз № 2; н.п. 386 км. Мурманской жд.; н.п. Транспортный городок леспромхоза; н.п. Новостройка плотины; н.п. Машино-тракторная станция; н.п. Известковые разработки; н.п. Поселок им. Гюллинга; н.п. 86 квартал (лес. пос.); н.п. Судостроительная верфь; н.п. Лососинское строительство; н.п. Лососинский кв. № 10 и др. (СНМ 1933). Для номинации новых поселений в качестве производных основ использовались также привычные и давно существовавшие топонимы: н.п. Сумский лес от названия н.п. Сума; н.п. Семеновская запань от названия д. Семеновская; н.п. Бесовец (совхоз) от названий д. Верхний и Нижний Бесовец (СНМ 1933).

Исчезновение значительной части топонимов в связи с социально-экономическими процессами началось в 50-х гг. XX века. Это связано с ликвидацией «неперспективных» деревень, выездом сельского населения в города, с укрупнением мелких поселений. В это время происходит исчезновение ряда поселений и их наименований, а также микротопонимов. Многие наименования стали названиями частей укрупнённых населённых пунктов и перешли в разряд микротопонимов, известных узкому кругу старожилов.

В третьей главе «Ареальные связи русской топонимии Карельского Поморья и Обонежья и ее апеллятивной базы» анализируется география бытования апеллятивов, топоформантов, топооснов и тополексем.

В главе последовательно рассматриваются общеславянские и восточнославянские топоформанты, общеславянские, восточнославянские, собственно русские, локальные апеллятивы, топоформанты и лексические элементы доприбалтийско-финского и прибалтийско-финского происхождения, зафиксированные в современной русской топонимии Карельского Поморья и Обонежья.

В современной топонимии Карельского Поморья и Обонежья употребляются форманты *-ье*, *-ск(ая, се)*, *-ов-* (*-ев-*), *-ин-*, *-ица*, *-ец*, *-ичи*, *-ка*, *-иха*, *-щина*, *-уха*, *-оват(их)*. При этом в ойконимии Заонежья и Пудожского района более последовательно представлены форманты *-ск-*, *-ов-*, *-ин-*. В агронимии Карельского Поморья и Обонежья наименования на *-щина* и *-иха* употребляются достаточно широко. Ойконимы на *-щина* отмечены только в Заонежье, а на *-иха* – в Пудожском районе. В названиях островов Белого моря и Онежского озера зафиксированы форманты *-ица*, *-ец*, *-иха*, *-уха*. Формант *-иц(а, ы)* представлен также в названиях сельхозугодий и населённых пунктов Заонежья и Пудожья. В Карельском Поморье, Прионежье и Заонежье имеются ойконимы с *-ец* в форме единственного, а в Заонежье и Пудожском районе – в форме множественного числа. В агронимии Карельского

Поморья, Заонежья и Пудожского района употребляется формант *-уха*. В названиях порогов Карельского Поморья отмечены топоформанты *-оватик* и *-оват*.

Распространение топоформантов в географических названиях Карельского Поморья и Обонежья

	-е	-ск-	-ов-	-ин-	-иц-	-ец	-ичи	-ха	-юха	-шница	-уха	-оватик
Поморье	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+
Заонежье	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	
Пудожье	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	
Прионежье	+	+	+		+	+	+	+		+		

Принимая во внимание то, что основная часть топоформантов и лексических элементов географических наименований Карельского Поморья и Обонежья могла появиться на территориях позднего заселения через посредство как новгородских, так и ростово-суздальских говоров, выделяются две группы топонимических элементов с учётом их распространения только в русских говорах и топонимии.

К первой группе относятся лексемы и форманты, зафиксированные на достаточно большой территории, которая включает новгородские, псковские, ростово-суздальские, реже - южнорусские говоры, а также говоры позднего заселения - Севера и Сибири (слова *бочага, бульдырь, всполье, долгуша, каменка, корчевка, кривулина, ляга, наволок, нива, осек, репище, солотина, чища, чищеница* и пр.; форманты *-ов-, -ин-, -ица, -ск-*). Эта группа слов и топоформантов свидетельствует о связях русской топонимии и говоров Карельского Поморья и Обонежья и с новгородскими, и с ростово-суздальскими говорами.

Вторая группа включает слова и форманты, известные только в топонимии и говорах Северо-Запада и Сибири. Лексемы данной группы чаще всего обнаруживают явные новгородские и псковские корни (*бор, гладь, голдыжсина, городок, загорок, крещ, кустовняк, лом, мочилище, петунный, продух, падун, суки* и др.). Собственно ростово-суздальские элементы представлены в топонимии Карельского Поморья и Обонежья очень ограниченно (слово *верхотина*, топоформанты *-иха* и *-ицина*).

Приведенные данные свидетельствуют об отсутствии четких ареалов новгородских и ростово-суздальских элементов как в топонимии, так и в нарицательной лексике говоров Карелии. Это подтверждает мысль А.С. Герда о роли новгородского и ростово-суздальского влияния на говоры Севера: «Вряд ли следует сомневаться в том, что и противопоставление восточных и западных севернорусских диалектов в бассейне рек Онега и Вага, и обособление говоров Беломорья, Обонежья и Белозерья сложились задолго до прихода на север русских выходцев из Новгорода и Ростова Великого. /.../ Вопрос о соотношении в истории Русского Севера новгородской и ростово-суздальской колонизации – это, скорее,

спор о доле вклада Новгорода и Москвы в историю культуры Северной Руси».¹³

Ряд слов связывают поморские и архангельские (*тудас, корга, чрево*), пудожские и каргопольские говоры (*урочище, черево, круглышка*).

В работе приводится сводная таблица «Ареальные связи лексики Карельского Поморья и Обонежья», материалы которой позволяют выделить несколько зон распространения тополексем и нарицательных элементов:

- 1) Зона Карельского Поморья и Обонежья, включающая территорию распространения русских говоров и топонимии Пудожского, Беломорского, Кемского, Кондопожского, Сегежского, Прионежского районов: *салма, сельга, пужья, ровница, рюшник, сполье, чищина, щельга*.
- 2) Зона Карельского Поморья, Обонежья, Мурманской, Ленинградской, Архангельской и Вологодской областей: *вара, варакка, корга, ламба, орга, тудас, рада, шалга, дыбун, круглышка, ленник, пенник, пенняк, урочище, чрево, черево, щелья*.
- 3) Зона Карельского Поморья, Обонежья и Новгородской области: *ластина, соломя, загорок, кустовняк, петунный*.
- 4) Зона Карельского Поморья, Обонежья, Новгородской, Ленинградской, Вологодской, Архангельской областей: *корба, тайбола, ключ, падун*.
- 5) Зона Карельского Поморья, Обонежья, Псковской, Ленинградской, Архангельской, Мурманской, Вологодской и Тверской областей: *голдыжсина, городок, зеленец, клочьяк, обод*.
- 6) Зона Карельского Поморья, Обонежья, Новгородской, Псковской, Тверской, Ленинградской, Архангельской, Мурманской, Вологодской областей, а также Урала и Сибири: *лахта, бочага, бор, гажий, гладь, крещ, мочилище, продух, толстик*.
- 7) Зона Карельского Поморья, Обонежья, Новгородской, Ярославской, Костромской, Тверской, Ленинградской, Архангельской, Мурманской, Вологодской областей: *луда, долгуша, каменка, корчевка, кривулина, ляга, репище, солотина*.
- 8) Зона Карельского Поморья, Обонежья, Новгородской, Псковской, Ярославской, Московской, Владимирской, Нижегородской, Костромской, Тверской, Ленинградской, Архангельской, Мурманской, Вологодской, Кировской областей, южнорусской территории, а также Урала и Сибири: *булдырь, всполье, гад, кряж, лом, лядина, межник, мох, наволок, нива, осек, петун, плесо, пожня, тереб*.
- 9) Зона Карельского Поморья, Обонежья, Ярославской, Владимирской, Московской, Ленинградской, Вологодской, Архангельской областей: *верхотина, зыбун, репник*.

К локально ограниченным элементам относятся также топоформанты доприбалтийско-финского («речные» суффиксы *-ас/-кса, -ма*) и прибалтийско-финского

¹³ Герд А.С. Очерк исторической диалектологии Верхней Руси (История ландшафта). СПб: 2006.

происхождения (-ла).

В микротопонимии Карельского Поморья и Обонежья употребляется значительное количество слов, которые не зафиксированы ни в словарях, ни в памятниках письменности. Не исключено, что некоторые из них выступали в роли русских географических или полеводческих терминов. По данным топонимии можно восстановить следующие слова:

*верстанья 'песчано-каменистое место' < *верста* < *гверста* 'мелкий камень, щебень; древесина' в: медвежьегорских, пудожских, петрозаводских, онежских, тихвинских, череповецких, чудовских, устюженских говорах (СРНГ IV: 148; СРГК I: 331): Верстанки – пахотное угодье Пч., Пудожский р-н. Вариант *верста* возник в результате упрощения начального сочетания согласных, что связано с влиянием прибалтийско-финских языков, для которых, как и в других финно-угорских языках, характерно отсутствие группы согласных в абсолютном начале слова (ОФУЯ 1974: 119; Матвеев 2001: 127).

*копняг 'место (какое?)' – ср. *копнище* 'огороженное место в поле, на котором ставятся хлебные скирды' в тотемских говорах (СРНГ XIV: 292): Копняг – пахотное угодье Пч., Пудожский р-н.

*лобозняг 'место (какое?)' – ср. *лобозник* 'большое широколистное растение, растущее на пожнях' в петрозаводских говорах (СРНГ XVII: 97): Лобозняги – с/х участок Тп., Заонежье.

*лужняца 'сырое место' – ср. *лужник* ярс. 'небольшой луг, лужайка, лужок', ряз. 'сырое болотистое место' (СРНГ VII: 351): Лужняца – сенокосный участок Кр., Заонежье.

*мочальник 'место для мочения льна' < *мочало* 'углубление, яма, приспособление для мочения льна, лыпка и т.п.; мочило' в лодейнопольских, подпорожских, кондопожских говорах (СРГК III: 266): Мочальник – пахотное угодье Пч., Пудожский р-н.

*обчуха 'общее земельное угодье' < *обчий* 'общий', широко представленное в говорах (СРНГ XXII: 265): Обчуха – пахотное угодье Пч., Пудожский р-н.

*подгалуха 'место за лесом' < (*галуха*) *голуха* 'название леса' в череповецких говорах (СРНГ VI: 344): Подгалуха – покос Л., Карельское Поморье.

*пурховье 'место обитания птиц (?)' – ср. *пурховище* 'использованное место обитания птиц' в свердловских и вятских говорах (СРНГ XXXIII: 138); *пурхать* 'порхать, перелетать' в медвежьегорских и прионежских говорах (СРГК V: 352): Пурховье – пахотное угодье Кш., Пудожский р-н.

Подобным образом можно реконструировать слова *агуиница*, *гористиница*, *брануха*, *заберье*, *кузовец*, *ламбазник*, *легинка*, *радица*, *райдач*, *слатиница*, *чуроватица*, *чуропайка* и др. (см.: «Указатель лексем, употребляемых только в топонимии»).

Материалы исследования подтверждают тезис И.И. Муллонен о позднем заселении

русскими территории Прионежья (Муллонен 2001). Так, в Прионежье (с. Ладва и Суйсарь) отсутствуют наиболее древние русские диалектизмы *мах*, *тереб*, *солотина* и др.

Ареальное распространение собственно русских диалектизмов и слов прибалтийско-финского происхождения позволяет предположить, что к территориям наиболее раннего русского заселения относятся Заонежский полуостров, Карельское Поморье (побережье Белого моря), Пудожский район (без Водлозерья).

В Заключении подводятся итоги исследования.

Русская топонимия Карельского Поморья и Обонежья, прошедшая несколько этапов в своем развитии, представляет собой стройную систему, между элементами которой существуют парадигматические, иерархические и синтагматические отношения. Свообразие топонимической системы данной территории связано с наличием в ее составе значительного количества названий иноязычного происхождения, преобладанием сложных и составных топонимов, появление которых обусловлено длительным периодом славяно-прибалтийско-финского билингвизма. Основой топонимии Карельского Поморья и Обонежья является русский апеллятивный и топоформантный пласт, формирование которого связано со значительным новгородским влиянием.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

1. Отражение языкового контактирования в названиях сельскохозяйственных угодий Водлозерья // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера: Материалы 3-й международной научной конференции / Отв. ред. В. М. Пивов; ПетрГУ. Петрозаводск, 2001. С.115-118.

2. Вопросы перехода нарицательной лексики в топонимию (на материале русской топонимии Карелии) // Переходные явления в области лексики и фразеологии русского и других славянских языков (Вторые Жуковские чтения): Материалы международного научного симпозиума. 21-23 мая 2001 г. / Отв. ред. В.И. Макаров; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2001. С.164-166.

3. Славянские элементы в топонимии Водлозерья // Национальный парк «Водлозерский»: Природное разнообразие и культурное наследие. Петрозаводск, 2001. С.290-294.

4. Отражение историко-культурных процессов в микротопонимии Карелии // Международная научная конференция «Язык и культура». Москва, 14-17 сентября 2001 г. Тезисы докладов. Москва, 2001. С.233-234.

5. Лексика природы и топонимия Карелии // Русская историческая филология: Проблемы и перспективы. Доклады Всероссийской научной конференции памяти Н.А. Мещерякова. Петрозаводск, 18-20 октября 2000 г.: Сборник / Отв. ред. Л.В. Савельева. Петрозаводск: КГПУ; Периодика, 2001. С.266-271.

6. Топонимическая система Толвуи // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня рождения В.И. Даля и 70-летию Воронежского государственного педагогического университета. Воронеж, Государственное образовательное учреждение «Воронежский государственный педагогический университет», 2001. С.150-157.

7. Имя человека в топонимии Обонежской пятины // Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли: Материалы Международной научной конференции «Историческая топонимика Великого Новгорода и Новгородской земли» 13-15 ноября 2001 г. / Отв. ред. В.Л. Васильев; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2001. С.71-74.

8. Ареальные связи топонимии Карельского Поморья и Обонежья // Русская культура на рубеже веков: Русское поселение как социокультурный феномен. Сб. ст. / Гл. ред. Г.В. Судаков. Вологда, 2002. С. 295-303.

9. Названия возвышенных мест в русских говорах и топонимии Карелии // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1999. Санкт-Петербург, 2002. С. 186-191.

